

Гу Сяодун покинул покои Су Миньи лишь к полудню. Унося в душе приятное, согревающее тепло, он буквально летел к себе в комнату, витая в облаках. По дороге Фэнъэнь пытался о чем-то с ним заговорить, но мысли юноши были далеко, так что он почти ничего не услышал и лишь невпопад спросил:

— Почему вы раньше не рассказывали мне о наследном княжиче и четвертом молодом господине, Гу Цзиньюе?

— Кажется, к вам это не имеет ровным счетом никакого отношения, — с мягкой улыбкой отозвался Фэнъэнь.

— Ну надо же, — проворчал Гу Сяодун.

Пробурчав это под нос, он зашагал дальше, считая шаги. Когда счет перевалил за две сотни, в его груди разлилось теплое, трепетное чувство, и он тихо, мечтательно вздохнул.

Мало того что поселили его в стороне от уединенного дворика Су Миньи, так еще и в знаниях да житейском опыте между ними лежала целая пропасть. И все же Гу Сяодуну отчаянно хотелось быть ближе к этому благородному, утонченному и такому хрупкому красавцу.

Су Минья не походил на переменчивого, то холодного, то обжигающе-горячего Гу Цзиньюя. От него всегда веяло ровным, умиротворяющим теплом.

Сжав кулаки, Гу Сяодун твердо решил, что завтра снова наберется дерзости и навестит его.

Однако на следующий день Академия Широкого Благодеяния буквально загудела от оживления. Во Двор учеников один за другим начали съезжаться молодые господа из благородных семей — юноши от двенадцати до шестнадцати лет. Гу Сяодун, истосковавшийся по общению, словно одинокий щенок, которому срочно потребовалось человеческое тепло, радостно выбежал во двор заводить новые знакомства.

Оставив в покое один-единственный листок, он устремился навстречу бескрайнему лесу.

Всего за какое-то утро он перезнакомился со всеми сверстниками. Поначалу юноши держались вежливо и дружелюбно — все, за исключением Гуань Юньцзи.

Этот молодой господин прибыл еще накануне вечером. Острый на язык и приветливый лишь с избранным кругом лиц, со всеми прочими, чей статус уступал его собственному, он вел себя высокомерно и пренебрежительно.

Завершив свой ознакомительный обход, Гу Сяодун оказался прямо у дверей Гуань Юньцзи. Помня о Гу Цзиньюе, он решил зайти и дружелюбно спросил у стоявшего на пороге слуги:

— Добрый день. Я Гу Шаньцин из семьи Гу. Молодой господин Гуань у себя?

Пока Сяодун не представился, слуга смотрел на него с почтением и даже легким восхищением от его яркой внешности. Но стоило прозвучать имени, как взгляд юноши мгновенно сделался бесстрастным.

— Вы, должно быть, кузен из семьи Гу? — монотонно произнес он. — Прошу прощения, но мой господин при поступлении в академию строго-настрога запретил впускать вас. Сказал, что ваши натальные карты несовместимы... Так что сейчас его нет дома. Покорнейше прошу меня простить.

Гу Сяодун ни капли не обиделся. Напротив, поняв, что Гуань Юньцзи точно внутри, он так и засиял от веселья. Подойдя поближе к двери, он намеренно громко произнес:

— Вот как? Какая жалость! А я-то как раз собирался обсудить с молодым господином Гуанем, как правильно ухаживать за кречетом! Ну, раз его нет, то я, пожалуй, пойду.

С этими словами он развернулся и, тихонько хихикая про себя, двинулся прочь. Не успел он сделать и нескольких шагов, как сзади послышался торопливый топот. Запыхавшийся слуга догнал его и, сгорая от смущения, принялся рассыпаться в извинениях, умоляя вернуться и войти в дом.

Гу Сяодун с важным видом кивнул и вошел в покои Гуань Юньцзи. Стоило ему увидеть хмурое, недовольное лицо молодого барина, как вся его напускная серьезность мигом испарилась. Он весело рассмеялся и отвесил шутливый поклон:

— О, молодой господин Гуань, так вы все-таки здесь?

— Ладно, проваливай, — буркнул тот.

— Ну уж нет, так дело не пойдет, — Сяодун едва сдерживал хохот. Подхватив полы халата, он живо подбежал к столу и устроился прямо напротив него. — Братец Гуань сам пригласил своего скромного младшего брата побеседовать, а теперь идет на попятную? Негоже благородному господину нарушать свое слово.

Гуань Юньцзи вспыхнул от досады и гневно уставился на него:

— Какой еще братец?! Ишь, кем себя возомнил!

Видя, как тот злится, Гу Сяодун ликовал в душе.

— Отныне мы с вами соученики. Вы старше меня на год, так что вполне можете зваться моим

названным старшим братом, а я — вашим неразумным младшим. Разве это зазорно?

Гуань Юньцзи буквально лишился дара речи. «Какая же он все-таки пороховая бочка», — весело подумал Сяодун и, решив не доводить дело до настоящей бури, вовремя подбросил ему приманку:

— Неужели молодой господин Гуань не хочет узнать, как поладить с Догоревшим фитилем?

Гуань Юньцзи промолчал, но взгляд его выдал живой интерес.

Гу Сяодун прекрасно знал, как сильно тот грезит великолепной птицей: еще во время их первой встречи он заметил, какими жадными глазами Гуань Юньцзи пожирал царственного кречета. Подвинувшись поближе, Сяодун принялся увлеченно разглагольствовать о том, как ласков с ним бывает Догоревший фитиль. На лице собеседника за это время отразилась целая гамма чувств, пока наконец он, не выдержав, не кашлянул и тихо не спросил:

— И... как тебе это удалось?

— Секрет прост: искренность и чистая душа, — с самым серьезным видом ответил Гу Сяодун.

Гуань Юньцзи это явно задело, и он упрямо возразил:

— Я тоже к нему со всей душой! Мы с Цзиньюем дружим с самого детства, и Догоревшего фитиля я видел в сто раз чаще твоего. С какой стати он дается тебе в руки, а меня даже коснуться не позволяет?

Гу Сяодун ненадолго задумался:

— Может, потому, что ты слишком властный? Ты пытаешься подчинить его себе, а я смотрю на него просто как на курицу-переростка с большими когтями. Птицы ведь невероятно умны. Он знает, что у него уже есть хозяин в лице четвертого молодого господина. Зачем ему признавать над собой еще кого-то?

Гуань Юньцзи опешил. В голове крутилось столько возражений, что он даже не знал, с чего начать. Сяодун умудрялся относиться к свирепому хищнику то как к домашней птице, то как к разумному существу. Каким бы умным ни был кречет, он оставался всего лишь диким зверем — пусть редким и очень полезным.

На самом деле Сяодун завел этот разговор только ради того, чтобы выведать новости о Гу Цзиньюе:

— Молодой господин Гуань, раз уж вы так близки с четвертым молодым господином, то,

может, знаете... Я слышал, он уехал в другую область. Когда он планирует вернуться?

Тот мгновенно нахмурился:

— Тебе-то какое дело?

— Я соскучился, — Сяодун развел руками. — Он ведь мой самый первый друг в этом поместье. Когда я узнал, что он уехал куда-то далеко, мне стало грустно. К тому же он сам говорил, что вы с ним водой не разлить, и велел мне ладить с тобой. Вот я и пришел.

«Ну спасибо тебе, Цзиньюй, — мысленно выругался Гуань Юньцзи. — Подкладывать свиней ты мастер»

Он недовольно бросил:

— Обойдусь. Держись от меня подальше, наши судьбы несовместимы.

— Тогда просто расскажи, как у него дела, — лукаво улыбнулся Сяодун. — Мне станет спокойнее, и я сразу же оставлю тебя в покое.

Гуань Юньцзи нехотя скользнул по нему взглядом. Приходилось признать, что улыбка этого несносного мальчишки была чертовски обаятельной, но от этого на душе становилось только противнее.

— Как бы там ни было, к своему дню рождения в середине пятого месяца он точно вернется в Чанло. А теперь — выметайся.

Гу Сяодун знал, что в середине пятого месяца у Гу Цзиньюя день рождения. Ведь они родились в один и тот же день.

Радостный настрой, не покидавший Сяодуна последние дни, мигом улетучился. Он уныло вздохнул:

— Так это же целых три месяца ждать...

— Ты все еще здесь? — Гуань Юньцзи демонстративно отвернулся. — Ждешь, пока я прикажу тебя вышвырнуть?

— Да уйду я, уйду, — рассмеялся Сяодун. — Спасибо, что поделился новостями. Но только, молодой господин Гуань, прошу тебя, не прикрывайся больше несовместимостью натальных карт. Мы с Цзиньюем родились почти в одно время, так что это глупый предлог. Не может

быть так, чтобы с ним вы отлично ладили, а на меня ты косился как безумный!

Для наглядности он скосил глаза к переносице, скорчив уморительную гримасу, и тут же выскочил за дверь, оставив совершенно опешившего Гуань Юньцзи в полном одиночестве.

Молодой барин потер виски, словно от этой выходки у него разболелась голова, и раздраженно крикнул слуге:

— А ну-ка, иди сюда.

— Да, господин? — робко отозвался тот.

— Ты умеешь скашивать глаза? — нахмурился Гуань Юньцзи.

Юноша растерянно моргнул, но поспешно закивал. Наставив указательный палец на кончик носа, он послушно продемонстрировал требуемое.

Гуань Юньцзи поморщился от отвращения, обозвал это зрелище уродством и велел слуге убираться. Тот, недоуменно улыбаясь, поспешил ретироваться.

Оставшись один, Гуань Юньцзи попытался вернуться к прерванному чтению, но строчки расплывались перед глазами. Вместо благородных трактатов ему упорно мерещилось фарфоровое личико Гу Сяодуна с нежным румянцем на щеках. В памяти то и дело всплывал его озорной взгляд, и даже дурацкая гримаса, которую скорчил этот несносный мальчишка, казалась наполненной каким-то пленительным весенним очарованием.

Сдерживать раздражение больше не было сил. Гуань Юньцзи с треском захлопнул книгу и швырнул ее на стол, тяжело дыша от злости.

Его отец слыл в Чанло отъявленным сластолюбцем: поместье Гуань ломилось от писанных красавиц-наложниц, которых тот приводил одну за другой. Насмотревшись с малых лет на слезы матери и изощренные уловки этих девиц, Гуань Юньцзи твердо пообещал себе никогда не становиться рабом похоти и не поддаваться на дешевый соблазн.

«И что же со мной происходит? — недоумевал он. — Вывод один: этот Гу Сяодун — просто коварный искушитель»

К полудню, как раз когда пришло время обеда, в его двери без приглашения ввалился Гэ Дунчэнь.

— Молодой господин Гуань, не выделишь ли гостю приборы? — развязно усевшись на то самое место, где только что сидел Сяодун, Гэ Дунчэнь весело побарабанил пальцами по столу. На его

красивом лице блуждала нагловатая ухмылка. — Пришел к тебе напроситься на сытный обед.

Гуань Юньцзи привычным жестом велел слугам принести еще одну чашу и палочки. Семейные обстоятельства Гэ Дунчэня были ничуть не проще его собственных — из-за матери, происходившей из Южных земель, бедняге то и дело приходилось несладко, так что в какой-то степени они понимали друг друга без слов. Однако, глядя на развалившегося перед ним приятеля, Гуань Юньцзи невольно вспомнил, каким хрупким и миниатюрным казался на этом стуле Гу Сяодун. Гэ Дунчэнь же сидел развалясь, как разбойник на большой дороге.

— У кого я только ни столовался, но Поместье Гу кормит лучше всех, — Гэ Дунчэнь принялся уплетать угощения за обе щеки, сгребая еду из общих тарелок с быстротой голодного кочевника.

Закончив с обедом, они перебрались к письменному столу. Глядя в окно на нежное цветение второго весеннего месяца, оба сошлись во мнении:

— Да, в Поместье Гу живетсЯ на редкость вольготно.

— И почему я не родился в семье Гу? — с досадой вздохнул Гуань Юньцзи, вновь сетуя на несправедливость судьбы.

— Вот именно. Будь я сыном старого князя Гу, стал бы образцовым наследником. Сказал бы отец отправляться на Северные земли воевать — я бы без лишних слов схватил клинок и поскакал в бой, — усмехнулся Гэ Дунчэнь. — Ума не приложу, о чем только думает наследный княжич. Отец у него — герой, готовый жизнь положить за родину, мать — верная хранительница очага. Зачем идти наперекор собственной семье?

— Вот-вот, тот же Цзиньчжун ценит свое положение и не бунтует, — подхватил Гуань Юньцзи и сам не заметил, как разговор вновь свернул на несносного мальчишку. — Семья Гу куда благороднее и честнее большинства столичных родов. Одно непонятно: зачем они пригрели этого Гу Сяодуна? Стоит мне его увидеть, как кровь в жилах закипает от злости.

— Теперь его зовут Гу Шаньцин, — хохотнул Гэ Дунчэнь. — Округлился, похорошел, да и имя звучит благородно, только вот глупая ухмылка так и осталась на физиономии. Пока ты тут сидишь со своим высокомерием, он без устали бегаеТ по гостям. За одно утро успел подлизаться ко всем, к кому только смог. По пути сюда я слышал, как сыновья офицеров третьего и четвертого рангов судачили о нем. Ей-богу, со стороны казалось, будто они оценивают примадонну из публичного дома.

— Слишком уж ты язвителен, — покачал головой Гуань Юньцзи, хотя спорить не стал. — Подлизываться он действительно умеет. Сегодня утром примчался ко мне, и хотя я велел слуге захлопнуть перед ним дверь, этот проныра все равно нашел способ пробраться внутрь.

Гэ Дунчэнь рассмеялся еще громче:

— Надо же, задобрил всех, кроме меня и Су Миньи. Какая вопиющая предвзятость! С чего бы это? Поначалу он так ластился ко мне, а теперь предпочитает выслушивать твои колкости, вместо того чтобы греться у моего очага. Ума не приложу, почему так.

«Так тебе и надо», — злорадный огонек вспыхнул в глазах Гуань Юньцзи, и настроение его заметно улучшилось.

— Ведь твой клан Гуань издавна враждует с кланом Ань, а этот щенок довольно долго терся подле княгини Ань. Неужели он об этом не знает?..

— Дунчэнь! — резко оборвал его приятель.

Лицо Гуань Юньцзи мгновенно потемнело. Гэ Дунчэнь, сообразив, что сболтнул лишнего, виновато шлепнул себя по щеке и примирительно улыбнулся:

— Прости, язык мой — враг мой. Не сердись, я ведь только при тебе расслабляюсь. Перед чужими у меня рот на замке. Уж я-то знаю, о чем можно судачить, а какие темы лучше обходить стороной. У меня есть рамки приличия.

— Надеюсь, — все еще хмуро процедил Гуань Юньцзи. К обиде на бестактность друга примешивалась глухая тревога из-за былых грехов его семьи. — Сейчас клан Гуань дружит с семьей Гу, да и с кланом Ань у нас мирные отношения. Таково было волеизъявление Его Величества!

— Да понял я, понял, не кипятись, — отмахнулся Гэ Дунчэнь, но тут же хитро прищурился, переводя тему обратно на Сяодуна: — И все же происхождение этого мальчишки на редкость загадочное. Я навел справки о его жизни до появления в Поместье Гу. Оказалось, его приемный отец из простолюдинов — далеко не заурядный разбойник с большой дороги, а весьма непростая фигура. Кто знает, какие тайны он унес с собой в могилу.

— Обыкновенную грязь он унес, которой Сяодун с удовольствием залепит тебе физиономию, если продолжишь совать нос куда не следует, — фыркнул Гуань Юньцзи.

Гэ Дунчэнь усмехнулся и откинулся на спинку стула, так что его лицо наполовину скрылось в тени.

— Юньцзи... И почему он всегда такой жизнерадостный? Терпеть не могу его дурацкую привычку улыбаться, даже если небо рухнет на голову. Обычная безделушка, которую семья Гу отшлифовала ради собственной забавы и которую рано или поздно кто-нибудь разобьет вдребезги. Ни единой хитрой мысли в голове. Живет здесь уже больше полугода, а все светится, как ни в чем не бывало... Глаза бы мои его не видели.

— Так я и знал, что он тебе не по душе, — язвительно бросил Гуань Юньцзи. — А то строил из

себя невесть что. Что, надоело притворяться благодетелем? Держись подальше от этого деревенщины. Общение с ним лишь роняет твое достоинство, да и хлопот не оберешься. Если он однажды навлечет на себя гнев императора, тебя тоже затянет в это болото.

Он немного помолчал и добавил:

— Если тебе совсем заняться нечем и девать силу некуда, заведи себе наконец парочку наложниц. Дома станет поуютнее, да и в постели теплее будет. Если доверяешь моему вкусу, я могу сосватать тебе девиц из нашего поместья.

Гэ Дунчэнь на мгновение лишился дара речи.

— Мы вообще-то говорили о Гу Сяодуне. Зачем ты приплел моих служанок? Скажи честно, друг мой, ты действительно желаешь мне добра или просто издеваешься?

Гуань Юньцзи неторопливо сделал глоток чая и со вздохом покачал головой:

— Да просто в твоём доме тоскливо, как на кладбище, и присмотреть за тобой некому. От скуки ты и заглядываешься на этого оборванца. Посмотри на себя: во всем Чанло нет другого наследника благородного рода, который влачил бы столь жалкое существование.

— Мне это ни к чему, — Гэ Дунчэнь выпрямился, без церемоний схватил со стола глиняный чайник и стал пить прямо из носика. Напившись, он с грохотом опустил его обратно и снова широко, беззаботно улыбнулся: — В Академии Широкого Благодеяния весело, да и Гу Сяодун — забавная игрушка. Мое развлечение только начинается, так что не лезь со своими советами. Хочешь повеселиться со мной — милости прошу, а нет — иди играй со своим ручным кречетом.

Гуань Юньцзи лишь неодобрительно цокнул языком:

— Ну-ну. Желаю тебе поскорее сгинуть и переродиться в следующей жизни — только, упаси Небеса, не в Южных землях.

Гэ Дунчэнь со смехом обругал его, после чего бесцеремонно схватил за руку и потащил к выходу:

— Ладно, хватит киснуть, пошли прогуляемся. Что ты уселся в четырех стенах, как черепаха в панцире? Хочешь превратиться во второго Су Минью и чахнуть над книгами? Идем, молодой господин Гуань, познакомимся с новыми лицами и найдем, чем развлечься.

Гуань Юньцзи ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Солнце уже перевалило за полдень, наступил час Овцы. В это время в усадьбе стояла тишина — большинство молодых господ укладывались спать после обеда, так что на дорожках никого не было видно. Гэ Дунчэнь притащил приятеля к дверям покоев сына одного из военных чинов третьего ранга. Стоило

слуге объявить имена гостей, как дверь поспешно распахнулась, и хозяин комнаты заискивающе заулыбался, приветствуя высокопоставленных визитеров.

— Да мы просто мимо проходили, дай, думаем, заглянем на пару слов, — дружелюбно улыбнулся Гэ Дунчэнь, по-свойски похлопав юношу по плечу. Он был заметно выше своих сверстников, держался уверенно и властно, а высокое положение его семьи делало его негласным предводителем среди детей столичных офицеров. — Скажи, ты ведь сегодня утром общался с Гу Шаньцином?

Молодой человек закивал:

— Да, верно. Молодой господин Гу весьма дружелюбен и открыт в общении.

— Вот как? — протянул Гэ Дунчэнь с многозначительной ухмылкой. — А вот нам с молодым господином Гуанем он изрядно досаждают. Как думаешь, что нам с этим делать?

Хозяин комнаты опешил, да и стоявший рядом Гуань Юньцзи недоуменно захлопал глазами. Но не успел он и рта открыть, как сообразительный юноша поспешно склонил голову:

— Я понял вас, старший брат Гэ. Все ваши слова я приму к сведению. И не только я — уверяю, все наши соученики сделают правильные выводы.

Гэ Дунчэнь прижал указательный палец к губам, призывая к молчанию, и весело подмигнул:

— Полно тебе. Разве я тебе что-то приказывал?

Собеседник отвесил глубокий, почтительный поклон:

— Разумеется, нет, старший брат. Вы ничего не говорили. Это мы сами посчитали, что характер Гу Шаньцина оставляет желать лучшего.

Удовлетворенный ответом, Гэ Дунчэнь перекинулся с ним еще парой праздных фраз и увлек притихшего Гуань Юньцзи за собой.

— Ну вот, со всеми покончено, за исключением разве что этого чахлого Су Миньши, — самодовольно произнес Гэ Дунчэнь, по-братски приобняв приятеля за плечи. — Поглядим теперь, долго ли еще продержится улыбка на лице этого дурачка.

Гуань Юньцзи нахмурился, но тут же расслабил брови и равнодушно хмыкнул:

— Да какая разница.

\*\*\*

Когда Гу Сяодун проснулся после полуденного сна и снова в приподнятом настроении отправился заводить новые знакомства, его ждал неприятный сюрприз. Сверстники, которые еще утром улыбались ему и вежливо поддерживали разговор, теперь демонстративно отворачивались при его приближении. Они сделались на удивление холодными и неприступными. Даже несколько робких, симпатичных младших учеников, живших по соседству и так тепло общавшихся с ним несколько часов назад, теперь заперлись в своих комнатах и наотрез отказались открывать дверь.

Для Сяодуна это был первый опыт жизни среди сверстников, и он совершенно не понимал правил этой сложной игры. Потоптавшись у закрытых дверей и получив очередной отказ, он в недоумении повернулся к сопровождавшему его слуге:

— Фэнъэнь, почему они вдруг перестали со мной разговаривать?

Тот лишь мягко улыбнулся:

— Нам, ничтожным слугам, негоже соваться в дела молодых господ и судить об их отношениях. Быть может, вам стоит приложить еще немного усилий?

— Ну ладно, — Сяодун весело потер шею сзади. — В конце концов, у нас впереди уйма времени. Поладим еще!

Он зашагал по дорожке легкой, пружинящей походкой. Раз уж сверстники избегали его, он решил навеститься к Су Минье. На полпути его взгляд выхватил впереди знакомую крепкую фигуру. Сяодун недоверчиво протер глаза и, присмотревшись, почувствовал, как к горлу подступил комок слез. Он уже готов был радостно выкрикнуть старое прозвище — «страж ворот Чжу», но в памяти мгновенно всплыл тот злосчастный день, когда ему пришлось собственноручно пороть этого человека бамбуковой линейкой по спине. Опомившись, он окликнул его более официально:

— Управляющий Чжу!

Мужчина обернулся. Это действительно был Чжу Ми, лицо которого, как и прежде, не выражало ровным счетом ничего.

Гу Сяодун с покрасневшими от подступавших слез глазами подбежал к нему:

— Управляющий Чжу! Сколько лет, сколько зим! Как ваши дела? Все ли у вас в порядке?

Чжу Ми выглядел безупречно: опрятное платье, идеальная осанка. С привычной суровостью он отвесил Сяодуну чинный, безукоризненный поклон, а его голос прозвучал ровно и бесстрастно,

словно стук ткацкого станка:

— Приветствую вас, молодой господин. Благодарю за заботу, у меня все прекрасно. Отныне мне поручено ведать всеми хозяйственными делами в Академии Широкого Благодеяния. Если у вас возникнут какие-либо нужды или пожелания касательно вашего быта, велите слугам разыскать меня.

Внимательно осмотрев его с ног до головы и убедившись, что Чжу Ми держится уверенно, а следов жестокого наказания, которому его грозился подвергнуть Гу Янь, не осталось и в помине, Сяодун наконец с облегчением выдохнул:

— Получается, теперь вы здесь главный управляющий? Поздравляю с повышением!

Тот на мгновение замялся, но затем чинно кивнул.

— Искренне рад за вас! — широко улыбнулся Гу Сяодун, сложив ладони в вежливом жесте.

Суровое лицо Чжу Ми едва заметно смягчилось. Он снова склонился в поклоне:

— Премного благодарен. Берегите себя, молодой господин. Позвольте мне откланяться.

— Конечно! Как освободитесь, я обязательно навещу вас, хорошо?

— Почту за честь, — негромко отозвался тот.

Гу Сяодун долго махал ему вслед рукой, а затем, утерев слезы, спросил у стоявшего рядом слуги:

— Фэнъэнь, а ты знаком с Чжу Ми?

— Мы едва знакомы, — честно признался Фэнъэнь. — Знаю лишь, что управляющий Чжу — потомственный слуга Поместья Гу. Он и его младший брат пользуются большим доверием хозяев. Брат управляющего сейчас служит личным телохранителем при четвертом молодом господине.

— Когда я только попал в поместье, он долго опекал меня. Для меня он был как заботливый старший брат... Но потом случилась одна нелепая история, и мне пришлось против собственной воли взять в руки бамбуковую линейку и побить его. Это был первый раз в моей жизни, когда я поднял на кого-то руку, — Сяодун грустно опустил голову, потирая шею. — Фэнъэнь, мне бы очень хотелось, чтобы это больше никогда не повторилось. Вы с Фэнхуанем такие славные.

Фэнъэнь промолчал, лишь загадочно улыбнувшись в ответ.

Сбросив с души мимолетную грусть, Сяодун вновь нацепил веселую улыбку и пошагал к заросшему бамбуком дворику Су Миньи. Слуга на пороге окинул гостя сложным, нечитаемым взглядом, но беспрепятственно впустил внутрь.

Оказавшись в главной зале, Гу Сяодун увидел хозяина покоев, стоявшего возле огромного сосуда из чистейшего горного хрусталя и с тоскливым видом разглядывавшего его содержимое.

— Молодой господин Су! — звонко окликнул его Сяодун.

Плечи Су Миньи на мгновение зажались. Он медленно обернулся на голос, и на кончике его языка уже готово было сорваться привычное «наглец» или «повеса», но вслух он лишь тихо выдохнул:

—... Сяодун.

Сяодун подбежал поближе, во все глаза рассматривая его бледное лицо:

— Молодой господин Су, а вы сегодня выглядите гораздо бодрее!

— Да, пожалуй, — едва заметно кивнул тот.

Су Минья слегка отвернулся, пряча смущение, а Сяодун с любопытством уставился на прозрачный резервуар, забавно склонив голову набок:

— Ого, а это еще что такое? Я только что встретил управляющего Чжу — неужели это его рук дело?

— Семейная реликвия Клана Су, — ответил Су Минья, завороченно глядя на отражение Сяодуна, колыхавшееся на гладкой стеклянной поверхности. — Лунные медузы, присланные в дар из Восточных земель. Днем они кажутся совершенно невзрачными, но стоит спуститься сумеркам, как они начинают светиться мягким, таинственным светом.

— Медузы! — ахнул Сяодун.

Су Минья приготовился было выслушать восторженные излияния о дивных заморских созданиях, но следующие слова гостя повергли его в полнейшее замешательство:

— Их же можно есть!

Су Минья промолчал, лишившись дара речи.

— Мне один старый рыбак рассказывал: когдаловишь большую медузу, ее нужно хорошенько промыть в древесной золе с добавлением сырого масла, а потом отварить со специями — сычуаньским перцем и корицей, да заправить уксусом с креветочной пастой или острым мясным соусом! Нарезать тонкими ломтиками, макать в эту подливку... Ей-богу, за уши не оттащишь, пальчики оближешь! Такая нежная, хрустящая закуска получается!

Воцарилось молчание. Су Минья невольно сглотнул слюну, поймав себя на дикой мысли, что ему безумно хочется попробовать это варварское блюдо.

— Жаль только, эти совсем крошечные, — Сяодун прильнул лицом к хрустальной грани, разглядывая лениво парящих в воде прозрачных малюток. — А они вырастут?

Су Минья опустил взгляд на его пушистые ресницы, которые едва не касались стекла, и невольно улыбнулся:

— Нет, этот вид не вырастает крупным. Так что полакомиться ими у тебя точно не выйдет.

— Ну и пусть! Зато я смогу полюбоваться ими! — Сяодун обернулся к нему, и его глаза засияли ярче звезд. — Сейчас, при свете дня, они совсем бесцветные. Позволишь мне остаться до темноты, чтобы посмотреть, как они светятся?

На самом деле хитрый мальчишка просто искал повод побыть подольше рядом — и на диковинных существ поглазеть, и полюбоваться утонченной красотой хозяина дома.

Су Минья прекрасно понимал его истинные мотивы, но у него просто не поднималась рука выставить этого теплого, искреннего юношу за дверь.

— Ну хорошо, оставайся, — тихо ответил он.

Гу Сяодун от радости готов был пуститься в пляс. Сдержав порыв, он лишь крепко сцепил пальцы перед собой и преданно заглянул хозяину в глаза:

— Молодой господин Су, вы такой добрый!

Су Минья развернулся и направился к письменному столу, а Сяодун, точно преданный щенок, засеменил следом:

— Молодой господин Су, сегодня в академию приехало столько ребят! Не хотите прогуляться и познакомиться с ними?

Тот лишь снисходительно хмыкнул:

— Завтра начнутся занятия, там со всеми и увидимся.

В глубине души он прекрасно понимал: большинство новоприбывших по статусу и знатности рода сильно уступали его семье. С какой стати ему, первому наследнику великого клана Су, опускаться до визитов вежливости? Скорее уж они сами должны прийти к нему на поклон.

Точно так же, как это сделал сейчас простодушный Гу Сяодун.

За тихой беседой незаметно пролетел остаток дня. Когда на усадьбу опустились сумерки, свечи зажигать не стали. В полумраке комнаты хрустальный сосуд вдруг озарился мягким, призрачным сиянием — маленькие медузы медленно парили в воде, напоминая дивные фосфоресцирующие цветы ночного кошмара.

Су Минья молча сидел у стола, завороченно наблюдая за колыханием огоньков. Гу Сяодун же сквозь это зыбкое свечение неотрывно смотрел на его благородный профиль, то и дело застывая на месте и глуповато улыбаясь своим мыслям.

«Маленький нахал, — подумал Су Минья, пряча улыбку. — Маленький сластолюбец»

\*\*\*

На следующее утро, пятнадцатого числа второго месяца, Гу Сяодун проснулся ни свет ни заря. Поскольку это был первый день занятий, изнурительные тренировки по закаливанию тела и вытяжению костей отменили. Облачившись в белоснежные ученические одежды, он в самом прекрасном расположении духа вышел из дверей в сопровождении маленького слуги. Сяодун надеялся по дороге в класс поприветствовать соседей и пойти вместе с ними, однако, к его крайнему изумлению, все встреченные юноши при его приближении поспешно переходили на другую сторону дорожки, словно заведя ядовитое пресмыкающееся.

Сяодун окончательно запутался, но предвкушение первого в его жизни урока быстро вытеснило из головы все неприятные мысли.

Учебные классы располагались неподалеку от Двора учеников. Просторное здание разделялось высокой стеной на две половины — северную и южную. Девушек из благородных семей приехало немного, их поселили в живописном южном саду академии, где и виды были красочнее, и жилые покои обставлены гораздо изящнее.

В южной части занимались девицы, в северной — юноши. В женском классе наставницей назначили вторую барышню семьи Гу, Гу Жухуэй, а у юношей занятия вел Ань Чжэньвэнь. Клан Су, опасаясь, что в первый день Су Минья будет чувствовать себя неловко среди чужаков, настоял на кандидатуре его близкого родственника, чтобы уберечь молодого господина от

лишних волнений.

Поскольку это был лишь первый год работы Частной школы Гуанцзэ, огромная академия приняла совсем немного учеников: двадцать пять юношей и семнадцать девушек. Условия для их обучения и жизни здесь были поистине царскими.

Войдя в класс для юношей, Сяодун обнаружил двадцать пять аккуратных парт, расставленных в пять рядов по пять мест в каждом. Рассадка здесь подчинялась строгому порядку: левые и передние ряды предназначались для отпрысков самых знатных родов столицы, в то время как места справа и сзади отводились тем, чье происхождение было скромнее.

Разумеется, за первыми партами слева восседали Су Минья, Гуань Юньцзи, Гэ Дунчэнь и прочие знатные господа. Гу Сяодуну же досталось самое неприметное место — в самом конце последнего ряда, у правой стены.

Сяодун, напрочь лишенный сословных предрассудков, весело плюхнулся на свой стул. С самым благодушным видом он раскрыл выданный ему свиток и принялся жадно читать, то и дело расплываясь в довольной улыбке.

«Ей-богу, в этом классе нет ни одного дурнушки! — восхищенно думал он. — Все как на подбор!»

В душе он просто ликовал. Какое чудесное место! Мало того, что можно набираться ума-разума и избавиться от тоскливого одиночества, так еще и вокруг сплошь писанные красавцы — настоящая услада для глаз!

Когда на кафедру поднялся Ань Чжэньвэнь, восторг Сяодуна достиг предела.

«Даже учитель здесь — первый красавец поднебесной!»

Ему пришлось спешно прижать ладонь к лицу, чтобы скрыть счастливую улыбку, которая так и норовила расплзтись до самых ушей.

В первый день занятий Ань Чжэньвэнь держался на редкость мягко и дружелюбно. Для начала он вкратце обрисовал систему государственных экзаменов в государстве Цзинь, перечислил основные канонические трактаты, которые им предстояло изучить, и подробно разъяснил правила прохождения испытаний, разбавляя сухую теорию забавными примерами из собственного опыта. Утро пролетело незаметно, оставив у всех самое приятное впечатление.

Юные ученики в белоснежных одеждах слушали наставника затаив дыхание: такие тонкости экзаменационного дела невозможно было разузнать у уличных книжников. Даже когда объявили перерыв, никто не спешил расходиться — многие обступили кафедру Ань Чжэньвэня, наперебой задавая вопросы.

Гу Сяодун прилежно конспектировал лекцию, делая пометки на полях своей тетради. Чувствуя себя абсолютно счастливым, он в самом конце размашисто вывел короткий итог утреннего урока:

«Век покоя, цветущий мир, золотая обитель Чанло, благословенный приют Широкого Благodeяния»

После полудня занятия перенесли на свежий воздух: юноши отправились на тренировочный плац на севере усадьбы, а девушки — в павильон искусств на востоке. По дороге к тренировочному плацу Сяодун издали заметил стайку барышень в белых шелках, направлявшихся к своим классам. Они плыли плавной чередой, точно легкое облако, тающее на горизонте, являя собой само воплощение чистоты и изящества.

Гу Сяодун залюбовался этой картиной, как вдруг кто-то с силой задел его плечом.

— Ой! — вскрикнул он, потирая ушибленное место. Морщась от легкой боли, он уже собирался было с улыбкой обернуться к обидчику, но тот, даже не замедлив шага, презрительно выплюнул сквозь зубы:

— Деревенский выскочка.

Сяодун так и застыл на месте:

— Чего?

Юноша продолжал уверенно шагать вперед. Подумав, что ослышался, Сяодун поспешил за ним, чтобы прояснить недоразумение, но не успел он сделать и нескольких шагов, как сбоку на него налетел другой ученик. Удар оказался настолько сильным, что невысокий Сяодун потерял равновесие и кубарем покатился по земле.

Вокруг тут же раздались издевательские смешки, переросшие в язвительный шепот:

— А я-то думал, он из главной ветви семьи Гу. Оказалось, обычный безродный прихвостень из какой-то захолустной глуши.

— То-то я гляжу, от него за версту навозом несет. Деревенщина, как ни наряжай в шелка, благородным господином не станет.

— И не говори. Вся его ужимчивость — от низкого происхождения. Сразу видно, из какой грязи выполз.

Гу Сяодун живо вскочил на ноги, отмахнувшись от подбежавшего слуги. Пылая от

негодования, он грозно огляделся по сторонам:

— Эй! Кто это там твякает за спиной?!

Однако зачинщики травли уже поспешили скрыться в толпе, довольные тем, что сумели безнаказанно уколоть его.

Слуга принялся торопливо отряхивать пыль с его белоснежного халата. Сяодун растерянно почесал затылок:

— Ты слышал, что они сейчас наговорили? Неужели я сделал им что-то плохое? Еще вчера все вели себя нормально, а сегодня будто с ума посходили.

Слуга лишь виновато опустил голову:

— Простите, молодой господин, мое дело — лишь носить ваши вещи да указывать дорогу.

Рассудив, что со слуги взятки гладки, Сяодун не стал его расспрашивать и в полном недоумении побрел дальше к тренировочному плацу. Когда он добрался до места, то оказался единственным, на ком красовалось испачканное платье — у остальных учеников одежды сияли первозданной чистотой. Заметив это, подошедший к нему Ань Чжэньвэнь нахмурился и тихо спросил:

— Шаньцин, почему твои одежды в таком непотребном виде?

Гу Сяодун обиженно надул щеки и без лишних предисловий ткнул пальцем в двоих обидчиков, назвав их по именам. Те, однако, лишь развели руками с самым невинным видом:

— Наговор! Дорога общая, с какой стати нам нарочно толкать тебя? Мы твоего имени-то толком не знаем. А вот ты без зазрения совести обвиняешь порядочных людей. Уж не затеял ли ты эту комедию нарочно, чтобы привлечь внимание почтенного учителя Аня?

— Ах вы проныры! — Сяодун от возмущения округлил глаза. — И ведь язык у вас поворачивается так лгать!

Он уже засучил рукава, готовый ринуться в бой и высказать подлецам все, что о них думает, как вдруг Ань Чжэньвэнь мягко опустил ладонь ему на макушку:

— Шаньцин.

От этого простого, теплого прикосновения человека, который приходился ему родным дядей по

материнской линии, вся злость Сяодуна мгновенно испарилась, уступив место детской радости. Он преданно посмотрел на наставника снизу вверх:

— Учитель!

Ань Чжэньвэнь и сам не понял, как позволил себе столь неформальный жест перед всем классом. Он никогда не жаловал лаской даже собственных племянников, но сейчас его ладонь словно прикипела к мягким волосам мальчика. Смутившись, он лишь тихо вздохнул:

— Впредь гляди под ноги и будь осмотрительнее...

Сяодун приподнялся на цыпочки, потершись макушкой о его ладонь, точно ласковый пес:

— Хорошо! Я буду внимательнее следить, чтобы об меня никто не спотыкался.

Ань Чжэньвэню оставалось лишь напоследок погладить его по голове в знак утешения, после чего он повернулся к зачинщикам ссоры и сделал им строгое внушение.

Когда учитель закончил читать нотации и обернулся, он увидел, что Гу Сяодун стоит, прижав ладони к макушке, и буквально светится от счастья. В его лучезарном облике не было ни капли уныния из-за всеобщего бойкота. Напротив, казалось, что его внутренний свет разгоняет любые тучи, отталкивая от него злобу окружающих.

Дважды кашлянув, чтобы вернуть себе строгий вид, Ань Чжэньвэнь объявил о начале урока фехтования. Практически все юноши из благородных семей уже имели базовые навыки владения клинком, так что занятие шло гладко. Единственным, кто не явился на плац, был Су Минья: во время обеда у него случился затяжной приступ кашля, и обеспокоенный наставник строго-настрого запретил ему выходить на тренировку, велел оставаться в постели.

Ученики разбились на пары и принялись за учебные поединки. Поскольку занятия только начались, они лишь лениво обменивались несильными ударами. Ань Чжэньвэнь медленно расхаживал между рядами, наблюдая за движениями подопечных. Проходя мимо Сяодуна, он задержал на нем взгляд на пару мгновений, но, не заметив ничего предосудительного, двинулся дальше.

Гу Сяодун с деревянным мечом в руках весьма старательно отрабатывал стойки с партнером своего роста. Поначалу поединок шел строго по правилам, но стоило наставнику отвернуться, как соперник Сяодуна молниеносным, коварным движением взметнул клинок вверх и с силой ткнул острием ему в плечо.

Сяодун охнул от боли и прижал руку к ушибленному суставу. Мальчик напротив него притворно побледнел и принялся торопливо кланяться:

— Ах, прости, ради всего святого! Я случайно, рука сорвалась. Пожалуй, мне лучше потренироваться с кем-нибудь другим.

С этими словами он поспешно ретировался.

Потирая плечо, Сяодун окончательно запутался в происходящем. Сжав рукоять деревянного меча, он направился к другому ученику. Однако на этот раз сомнений не осталось: во время обмена ударами новый противник намеренно со всей силы опустил плоскую сторону меча ему на ребра. Боль была такой резкой, что у Сяодуна перехватило дыхание, и он едва не опустился на колени.

Обидчик дежурно пробормотал извинения, но, наклонившись к нему, прошептал прямо на ухо с издевательской ухмылкой:

— С твоимдохлым телом только книжки читать да мечом махать. По-моему, тебе лучше всего пойти и лечь. Желательно навсегда.

Не говоря ни слова, Сяодун с размаху вонзил тупой кончик своего деревянного меча прямо в подъем его стопы. Юноша взвыл от неожиданной боли и принялся прыгать на одной ноге.

— Какая отличная стойка цапли! Отныне я буду звать тебя золотым петушком. И, по-моему, лучшее занятие для тебя — кудахтать и нести яйца, — сердито прошипел ему в ответ Сяодун.

Оставив злюку прыгать на плацу, Сяодун решил подойти к Ань Чжэньвэню — не для того, чтобы жаловаться на обидчиков, а просто чтобы вновь ощутить тепло его успокаивающей ладони на своей голове. Однако стоило ему обернуться, как прямо перед ним вырос улыбающийся Гэ Дунчэнь:

— Младший брат Шаньцин, не окажешь ли мне честь сразиться?

Сяодун хорошо помнил совет держаться от этого парня подальше. Даже не удостоив его взглядом, он развернулся и бросился в сторону. Заметив стоявшего неподалеку Гуань Юньцзи, который с откровенно скучающим видом разглядывал облака, Сяодун вихрем подлетел к нему:

— Названный старший брат Гуань! Давай сразимся на мечах, а?

Гуань Юньцзи опешил. Он никак не ожидал, что этот чудной мальчишка предпочтет выслушивать его колкости, нежели общаться с дружелюбным с виду Гэ Дунчэнем. Несколько мгновений он молча разглядывал запыхавшегося Сяодуна, после чего холодно буркнул:

— Я устал. Ищи себе другого дурака.

— Уже устал?! — округлил глаза Сяодун. — Да как же так? Совсем силенок нет, что ли?

Гуань Юньцзи, который секунду назад действительно раздумывал, как бы половчее увести мальчишку от назойливого внимания Гэ Дунчэня, от такой наглости буквально задохнулся от ярости. Вспыхнув до ушей, он круто развернулся и пошагал прочь с плаца.

Но даже отойдя на приличное расстояние, он отчетливо слышал долетевшее вслед ворчание Сяодуна:

— Характер скверный, да и здоровье, видать, ни к черту...

«Да пусть эти бездельники забивают его хоть до смерти! — со злостью подумал Гуань Юньцзи. — Пальцем больше ради него не шевельну»

\*\*\*

Так незаметно пролетела первая декада занятий. Гу Сяодун и представить не мог, что учеба в Частной школе Гуанцзэ окажется настолько невыносимой. Почти никто из сверстников не выказывал ему дружелюбия: одни притворно улыбались, отпуская язвительные замечания, другие при каждом удобном случае норовили подставить подножку или устроить какую-нибудь пакость за его спиной.

Ему приходилось несладко, жизнь в академии с каждым днем становилась все тяжелее. Нападки сыпались со всех сторон. Стоило Сяодуну почуять неладное, он тут же давал обидчикам жесткий отпор, но большую часть времени он все же посвящал учебе. Днем он прилежно сидел за трактатами в классе, а по ночам до изнеможения закаливал тело на тренировках. У него попросту не оставалось сил на пустые склоки и детские интриги.

Когда на душе становилось совсем паршиво, ему достаточно было поднять глаза и отыскать взглядом утонченный силуэт Су Миньи. От одного вида этого прекрасного юноши тоска Сяодуна мгновенно рассеивалась, уступая место приливу сил. Су Минья прилежно посещал все теоретические занятия, но на тренировочном плацу появлялся крайне редко, так что каждая мимолетная встреча с ним была для Сяодуна величайшей радостью.

В такой суматохе пролетели три месяца. Гу Сяодун то и дело загибал пальцы, ведя обратный отсчет, пока наконец не наступило заветное пятнадцатое число пятого месяца — день, когда и он, и Гу Цзиньюй праздновали свое рождение.

Накануне Сяодун разузнал у управляющего Чжу, что Гу Цзиньюй вернулся в Чанло тринадцатого числа. Эта новость настолько обрадовала его, что последующие две ночи он спал крепким, безмятежным сном.

Он попросил Чжу Ми передать четвертому молодому господину весточку о том, что хотел бы

встретиться с ним прямо в день рождения. Поздним вечером четырнадцатого числа в стекло его окна кто-то тихонько постучал. Стоило Сяодуну распахнуть створки, как внутрь, обдав его жарким дыханием наступившего лета, шумно влетел великолепный кречет Догоревший фитиль и преданно ткнулся ему в грудь.

На следующий день, едва закончился полуденный урок, Гу Сяодун, даже не утруждая себя сменой ученического платья, во весь опор бросился прочь из ворот Академии Широкого Благодеяния. Счастливый и запыхавшийся, он мчался к маленькому уединенному дворику, где жил прежде. Еще на подходе к усадьбе он заметил раскинутые крылья Догоревшего фитиля, плавно парившего в чистом небе прямо над крышей дома.

Торопливо вбежав в ворота, Сяодун прямым устремился в свои покои. Стоило ему переступить порог, как взгляд выхватил у окна силуэт юноши в строгом темно-красном одеянии.

Гу Цзиньюй, прислонившись к деревянному косяку, безмятежно спал.

Стоял разгар пятого летнего месяца. Солнце садилось медленно, небо сияло пронзительной синевой без единого облачка. Тяжелые, обжигающие лучи заливали комнату, заставив даже кречета спрятаться в прохладную тень под козырьком крыши. Но Гу Цзиньюй спал прямо под этим слепящим золотым потоком, словно не замечая зноя.

Его волосы по какой-то причине стали заметно короче и теперь были перехвачены на затылке в высокий, тугой хвост. Кончики прядей едва касались шеи, а легкий сквозняк шевелил тонкие волоски у висков, заставляя их светиться на солнце чистым золотом.

Гу Сяодун замер на пороге, не в силах отвести от него глаз. В груди вдруг шевельнулось щемящее чувство, и к глазам подступили слезы. Глядя на спящего друга, он невольно вспомнил своего названного брата, Чжан Дэнцина. Интересно, возмужал ли тот на военной службе? Стал ли его взгляд взрослее и суровее, а лицо — более утомленным, как у этого юноши перед ним?

Заметив Сяодуна, кречет с громким клекотом сорвался с места и устремился к нему, на ходу задев широким крылом спящего у окна Гу Цзиньюя. Пока Сяодун неловко ловил разыгравшегося кречета, молодой человек открыл глаза. Его взгляд в контровом свете яркого летнего солнца казался зыбким и переменчивым — то обжигающе-горячим, то ледящим душу.

Наконец Гу Цзиньюй жестом велел слугам удалиться. Когда тяжелые двери за ними закрылись и в комнате остались лишь они вдвоем, он тихо произнес:

— С днем рождения.

Сяодун, прижимая к себе Хуацзиня, подбежал ближе и шмыгнул носом, преувеличенно

капризно проворчав:

— И это все, четвертый молодой господин? Ограничишься одними поздравлениями на словах? А где же мой подарок? Ну-ка, выкладывай скорее!

Гу Цзиньюй лениво потянулся и, полулежа на подоконнике, снизу вверх посмотрел на него:

— Дорогой кузен, мы ведь родились в один день и час. Разве ты не хочешь поздравить меня в ответ?

— Поздравляю, конечно же поздравляю! — Сяодун закивал, крепче обнимая Догоревшего фитиля. — Желаю нашему дорогому Сучку, чтобы у него каждый день оставалось уйма времени на беззаботный сон!

Гу Цзиньюй протянул руку и ласково погладил притихшего кречета по голове:

— Что ж, тогда я желаю Гу Сяодуну, чтобы его домашние задания никогда не заканчивались.

— Ну уж нет, так не пойдет! — Сяодун изо всех сил замотал головой.

Гу Цзиньюй тихо рассмеялся, а затем, посерьезнев, добавил:

— Тогда желаю тебе никогда не взрослеть.

Сяодун устроился на подоконнике прямо рядом с ним, всем сердцем разделяя это прекрасное пожелание.

— Пусть я никогда не вырасту, — он повернулся к Гу Цзиньюю и тихо добавил: — Но ты... ты ведь уже вырос.

Гу Цзиньюй молча откинулся назад и прикрыл глаза, словно вновь погружаясь в полусон под ласковыми лучами июньского солнца.

Гу Сяодун притих рядом, разделяя с ним это тихое угасание летнего дня.